

РЕЦЕНЗИЯ

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ АЛАН

(*Агусти АЛЕМАНЬ. «Аланы в древних и средневековых письменных источниках». М., 2005)*

В Москве в издательстве «Менеджер» вышла в свет работа каталонского ученого Агусти Алемания «Аланы в древних и средневековых письменных источниках». Объем работы составляет 38 печатных листов, или свыше 600 страниц книжного текста. В 2000 г. под названием **«Источники по аланам. Критическая компиляция»** она вышла на английском языке в Голландии, Германии и США. В 1997 г. эта работа была представлена к защите в качестве докторской диссертации в Автономном Университете г. Барселоны, столицы испанской провинции Каталония.

Работа А. Алемания представляет собой сборник сведений древних и средневековых авторов – античных (греко-латинских), византийских, арабских, армянских, иранских, древнерусских, сирийских, монгольских, китайских – об аланах и состоит из шестнадцати глав и хронологической таблицы. Каждая глава завершается «ономастиконом», в котором рассматривается происхождение встречающихся в главе имен, и сопровождается соответствующими комментариями автора. Можно без преувеличения сказать, что А. Алеманем проделана очень большая работа, на завершение которой, по словам автора, ушло 12 лет его жизни. Публикация данной работы, безусловно, представляет собой заметное явление в алановедении, и вполне естественно, что она получила высшую оценку специалистов. Успешно прошла и презентация книги во Владикавказе.

Говоря о поистине грандиозной работе, проделанной нашим автором, невольно задаешься вопросом – насколько же один человек в состоянии адекватно осмыслить и прокомментировать такой громадный материал на различных языках Евразии, который имеется по аланам? Принимая во внимание именно масштаб этой работы, хотелось бы особо подчеркнуть нижеследующие слова автора: «Методология, используемая для каждой главы, – некоторые из них очень кратки и предназначены лишь

для того, чтобы показать диапазон имеющихся возможностей, – определялись моими возможностями доступа к тому или иному языку...» (С. 23-24).

Основываясь на этом принципиальном положении автора, необходимо отметить, что публикация А. Алемания с неизбежностью вызывает ряд вопросов, касающихся как содержания включенных в нее текстов, так и комментариев к ним, а также оценок аланско-осетинской проблематики в целом. Свои замечания и, в основном, пожелания мне бы хотелось начать с предпосланной сборнику аннотации, где говорится, что «вплоть до настоящего времени лишь некоторые аспекты и периоды аланской истории были рассмотрены в ряде научных изданий (подчеркнуто мной. – Ю.Г.). Эта цитата, повторяющая аналогичное утверждение автора предисловия Р. Шмитта (С. 18), ничего, кроме недоумения, вызвать не может. Любой исследователь, хоть мало-мальски знакомый с историографией алан и аланско-осетинской проблематикой, легко докажет ошибочность такой оценки.

Достаточно сказать, что даже тот небольшой перечень литературы, причем далеко не полный, который дан в качестве приложения к библиографии работы А. Алемания как недоступная автору до завершения его работы «дополнительная литература на русском языке» (С. 594-595), ясно показывает, что указанное утверждение далеко от действительности. Понятно и естественно, конечно, стремление популяризировать разбираемое издание, полностью, кстати, этого заслуживающее. Но для этого вовсе не обязательно вольно или невольно сводить на нет ту большую работу, которая была проведена по истории алан предшествующими авторами, в том числе и осетинскими историками.

Можно без преувеличения сказать, что после появления в начале XIX в. работ Ю. Клапрота и Я. Потоцкого, выдвинувших теорию скифо-аланского происхождения осетин, аланская проблематика практически не сходила со страниц научных изданий как в России, так и в Западной Европе. В этой связи необходимо отметить, что явно недостаточное использование русской и русскоязычной литературы по аланам, в т.ч. и современной, является одной из наиболее слабых сторон рецензируемой работы, что не могло не сказалось на полноте комментариев автора. Впрочем, в работе не упоминается и первое монографическое исследование по аланам французского исследователя В. де Сэн-Мартена, опубликовавшего свою работу в 1850 г. в Париже под названием «Аланы». Работа охватывает период с 1 в. до н.э. вплоть до эпохи татаро-монгольских нашествий XIII-XIV вв.

Определенного разъяснения требует, на наш взгляд, и утверждение издателя русского перевода о том, что автором **впервые собраны** многие

сотни письменных свидетельств об аланах (подчеркнуто мной. – Ю.Г.), дошедших до нас из минувших веков и охватывающих период в полторы тысячи лет (С. 14) Это положение, продублированное и в рецензии на данную работу, опубликованную газетой «Северная Осетия» от 5.11.04 г., представляет собой, конечно, явное преувеличение. Не говоря уже о том, что не известные специалистам до публикации А. Алемания какие-то свидетельства об аланах можно буквально перечислить по пальцам, не приходится говорить и о впервые собранных многих сотнях свидетельств источников об аланах. В этой связи следовало бы, конечно, упомянуть видного осетинского историка З. Н. Ванеева, чьи «Исторические известия об аланах-асах» (Известия ЮОНИИ, IV, Сталинир, 1944 г.) явились первой, но отнюдь не последней публикацией исторических свидетельств об аланах. На это, кстати, уже обращал внимание проф. Ф. Х. Гутнов в своей рецензии во владикавказской «Столичной газете» от 12.11.04 г.

Другое дело, что публикации источников по аланам не всегда доступны по тем или иным причинам порой даже для исследователей, не говоря уже о массовом читателе. По справедливому замечанию издателя сборника Аузби Гутиева, труд А. Алемания «позволяет если не снять эту проблему вовсе, то во многом снизить ее остроту, открывая новые возможности для развития албановедческих исследований» (С. 14). С этим замечанием нельзя не согласиться.

Какова же полнота содержания сборника в целом и его отдельных глав, а также комментариев автора к включенными в сборник текстам? Вот, пожалуй, основные вопросы, на которые необходимо ответить и на основании которых следует судить о работе А. Алемания в целом.

Основную часть рецензируемого сборника составляют греко-латинские источники I-V вв., средневековые источники XI-XIV вв. и византийские источники VI-XV вв., сведения которых занимают более половины данных всех источников (главы 2-5). Перечень авторов, включенных в указанные разделы, дается не в хронологической последовательности, чего следовало бы ожидать, а в алфавитном порядке, что затрудняет в определенной степени нормальное восприятие материала именно в его хронологической последовательности. Поэтому свой обзор источников мы начнем с наиболее ранних.

В «Географии» известного древнегреческого географа и историка Страбона (64 г. до н.э. – 23 г. до н.э.) содержатся интересные сведения о сарматских племенах Северного Кавказа и Северного Причерноморья, этнических предшественниках алан. Страбон, в частности, впервые упоминает названия таких сармато-аланских племен, как роксоланы («светлые аланы»), иазиги (позднейшие асы-ясы), аорсы и сирахи, которые,

собственно, и составляли этническую основу сарматов. Эти сведения включены в рассматриваемый сборник.

Однако в сборник почему-то не вошли другие сведения Страбона, имеющие столь же важное значение для этнической истории осетин. Это в первую очередь касается описания Иберии – античного государства, существовавшего на территории Восточной Грузии (Картли) и Южной Осетии. Говоря о жителях Иберии, Страбон пишет, что ее горную часть «занимают воинственное большинство населения страны, в образе жизни и по обычаям сходное со скифами и сарматами, соседями и родственниками (единоплеменниками) которых они являются» (подчеркнуто мной. – Ю.Г.).

Это сообщение Страбона является одним из первых достоверных упоминаний осетин к югу от Главного Кавказского хребта, зафиксированных античными авторами. В древнегрузинских источниках население южных склонов Центрального Кавказа, т.е. территории современной Южной Осетии, именуется овсами/осетинами или двалами, т.е. туалами (осет. «туал», «туаллаг»), что полностью подтверждает указание Страбона о родстве горцев южных склонов с их северными соплеменниками. Другой отрывок Страбона, также не включенный в сборник, касается конкретного содержания термина «кавказцы». Говоря об этническом составе горцев Центрального и Западного Кавказа, Страбон пишет, что «большая часть их принадлежит к сарматам, но все они «кавказцы», т.е. термин «кавказцы» носит у Страбона четко выраженный этногеографический, а не этнический характер. В грузинских источниках термином «кавкасни» или «кавкасиани», восходящем к «кавказцам» античных авторов, обозначалось население Центрального Кавказа, также независимо от его этнической принадлежности. Основную часть «кавкасионов» грузинских источников составляли осетины-туалы; этим же термином обозначались также горные рачинцы и часть вайнахских (ингушских) племен. Совпадение данных Страбона и древнегрузинских источников о значении данного термина опровергает бытующее в современной грузинской историографии мнение об отнесении «кавкасианов» исключительно к вайнахским племенам.

У автора «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. н.э.) содержатся интересные сведения о племенах Центрального Кавказа, имеющие непосредственное отношение к предыстории алан и политическим событиям середины I в. н.э. Рассказывая о разграблении Питиунта (совр. Пицунда) племенем гениохов, Плиний пишет, что сзади него «в Кавказских горах живет сарматский народ эпагерриты, а за ними – савроматы. К последним бежал Митридат при императоре Клавдии, он рассказывал,

что в соседстве с ними живут талы...» (VI, 16). Это сообщение Плиния важно во многих отношениях.

Митридат, о котором говорит Плиний, был царем Боспорского царства и был низложен около 45 г. н.э. римским императором Клавдием. Через несколько лет он попытался с помощью ряда соседних племен, прежде всего сираков и дандареев, вернуть себе престол. Однако в 49 г. он был разгромлен объединенными силами аорсов и римлян и, не желая сдаваться римлянам, сдался вождю племени аорсов Евнону. Последний смог убедить императора принять Митридата в качестве почетного пленника. Об этих же событиях подробно рассказывает Корнелий Тацит (55-120 гг.), сведения которого, в отличие от вышеприведенных данных Плиния, включены А. Алеманем в свой сборник.

Сведения Плиния, который называет аорсов Тасроматами, говорят о том, что южная граница аорсов проходила по Главному Кавказскому хребту, где они граничили с племенем талов, в имени которых не трудно разглядеть осетинских туалов. Эти сведения Плиния, как он сам говорит, были получены им в Риме от Митридата, находившегося некоторое время в пленау аорсов. В другом месте той же шестой своей книги «Естественной истории» Плиний называет вблизи Кавказских ворот (Дарьяльского ущелья) талов-туалов уже именем валлов, т.е. Плиний фактически приводит осетинскую (талы) и грузинскую (двали) формы названия этого осетинского племени. Данные Плиния, как и вышеприведенные сведения Страбона, ясно свидетельствуют о глубокой древности пребывания сарматов на Центральном Кавказе и его южных склонах и их органической связи с этнической историей осетинского народа.

Не нашло отражения в сборнике и упоминание Плинием сарматского племени ареатае (IV, 47), название которого сопоставляется с корнем *ария*, к которому восходит само название осетин *ирон*.

У греческого автора Дионисия Перигета (I-II вв.) встречается упоминание сарматского племени асиаков. Это же племя под названием асиатов упоминает Гай Юлий Солин (III в.). Сравнение этих племенных названий, являющихся вариантами племени изигов, показывает, что в основе всех этих названий лежит имя асов-ясов, одно из названий алан; друг от друга они отличаются лишь своими окончаниями. В первом – это суффикс *-ак* (*осет.* *-аг*), во втором – показатель множественности *-тæ*. Об идентичности этих племен ясно свидетельствуют характеристики, которые дают им указанные авторы: «Асиаки не знают, что значит воровать, и поэтому не стерегут своего имущества и не трогают чужого (Дионисий); «Асиаты, живущие в Европе, не завидуют чужому и не ценят своего» (Юлий Солин). Следовательно, оба племенных названия являются

лишь разновидностями или вариантами имени асов, что имеет важное значение для выяснения этнических взаимосвязей сарматских племен и их отношения к аланам. Остается лишь сожалеть, что указанные сведения не вошли в рецензируемый сборник.

К этой же проблематике примыкают и сведения известного греческого грамматика II в. Элия Геродиана. В своей «Общей просодии» автор приводит десятки существовавших в первых веках н.э. племенных названий и их вариантов, из числа которых А. Алемань упоминает лишь аорсов и два топонимических названия, связанных с аланами-осами (С. 137). В то же время в сборнике отсутствует упоминание Элием Геродианом имени иазигов, одного из крупнейших сармато-аланских племен.

Это племенное название приводится греческим автором в двух вариантах – **иасы** (йазес) и **иазиги** (иазигес). Из этого следует, что в основе племенного названия иазигов, вариантом которого являются упоминавшиеся выше асиаки и асиаты, лежит этнический определитель **яс-** (с закономерным переходом **с** в **з** между гласными), как называли алан, в частности, древнерусские летописи. Отмеченный Элием Геродианом факт идентичности имен иазигов и ясов является одним из наглядных доказательств как принадлежности иазигов к сарматам, так и, что самое главное, их идентичности с аланами. Это обстоятельство, т.е. идентичность иазигов и алан, четко подтверждается и данными других античных авторов, в частности Дионом Кассием.

Римский историк Дион Кассий (150-235 гг.) является единственным из античных историков, который сообщает о крупном вторжении алан против Парфии в 135 г. Это вторжение, по словам римского историка, потрясло входившие в состав парфянской державы Албанию (на территории современного Азербайджана), Мидию и Армению и было осуществлено по подстрекательству иберийского царя Фарсмана в правление императора Адриана (117-138 гг.). Эти сведения Диона Кассия включены в рецензируемый сборник.

Однако в сборник не вошли другие важные сведения римского историка, касающиеся переговоров о заключении мира между аланами и иберами, с одной стороны, и парфянами – с другой. Описывая эти переговоры, проходившие в Риме при посредничестве императора Адриана, Дион Кассий называет алан иазигами. Иазигами же он называет и приуднайских алан, с которыми империя вела серию затяжных войн в первых веках н.э., особенно в правление императора Марка Аврелия (161-180 гг.) в период т.н. маркоманских войн. О том, что иазиги – это не отличное от алан племя, а те же аланы, выступающие, однако, под параллельным именем иазигов, хорошо видно и на примере венгерских алан. Эти аланы,

мигрировавшие в Венгрию в XIII в. в результате нашествия татаро-монголов, были известны нам именно под именем изигов, но сами себя называли ясами, как называли алан и в древнерусских летописях. Сведения Диона Кассия об изигах являются еще одним подтверждением идентичности изигов и алан и обозначения именем изигов преимущественно западных алан.

Этим, в частности, объясняется то, что Дион Кассий, ни разу не упоминающий алан в числе противников Рима на его дунайской границе, о чем неоднократно упоминают другие античные писатели, в то же время часто называет вместо них изигов. Из этих сведений, не вошедших в сборник, мы узнаем имена изигских вождей (Бантик, Банадасп) и рядовых воинов, один из которых – Мастор, часто привлекался императором Адрианом (30-е годы II в. н.э.), у которого он находился на службе, при охоте «из-за его силы и охотничьего искусства». Узнаем мы и о наличии у изигов практики избрания двух племенных вождей («королей»), кое-что о военной тактике изигов, их отдельных сражениях с римлянами и т.д.

Особенно подробно Дион Кассий рассказывает о непростых взаимоотношениях изигов с Римом в период правления императора Марка Аврелия (161-180) и его преемника Коммода (180-192). По словам историка, Марк Аврелий «почти всю свою жизнь сражался на берегах Истра с изигами и маркоманами, используя Паннонию в качестве своей базы». О том, какую грозную силу представляли тогда изиги, можно судить по тому, что в результате одного из соглашений с Марком Аврелием в 175 г. изиги «возвратили римлянам сто тысяч пленников, остававшихся в их руках, не считая тех, кто был продан, скончался в пленау или смог бежать».

Кроме того, по условиям того же соглашения, изиги передали Риму 9 тыс. всадников из своей среды, 5 тыс. 500 из числа которых император «направил в Британию» для защиты там интересов Рима. Эти изиги и были той частью сарматов, которые положили начало истории алан в Англии и остались столь глубокий след в истории средневековой Британии, в частности в числе сказаний о короле Артуре (*осет.* Артхурон согласно В. И. Абаеву) и в английских генеалогических преданиях. Так, например, автор «Истории бриттов» Ненний (конец VIII в.) и другие авторы называют Алану предком (дедом) Бритта, от которого получила свое название Британия. Тот же Ненний называет пса «Артура воина» именем Кабал, которое вряд ли можно отделить от осетинского **къәбыла**, «щенок».

В литературе уже отмечалось существование ярких параллелей между отдельными сюжетами цикла сказаний о короле Артуре и нартского эпоса осетин. Эта литература, к сожалению, отсутствует у А. Алemannia.

Он лишь отмечает, что Б. Бахрах «заходит слишком далеко», когда связывает меч нарта Батрадза с мечом Эскалибур короля Артура (С. 75). Эта параллель принадлежит, однако, не Бахраху, а Ж. Грисварду, посвятившему ей специальную статью (1969 г.). Эта параллель, которую В. И. Абаев назвал «особенно яркой», состоит в том, что и Батрадз, и Артур велят закинуть свои мечи в море, от чего море приходит в сильное волнение. Сомнения А. Алеманя в адекватности этой параллели, которую разделяют многие исследователи, вряд ли обоснованы.

Возвращаясь к данным Диона Кассия об изигах, отметим, что особого внимания заслуживает его рассказ о начале правления императора Коммода (180-192), которому, как и его отцу, все еще приходилось иметь дело с теми же племенами, которые были покорены Марком Аврелием, т.е. с изигами, бурами и вандилами. А. Алемань приводит этот отрывок (С. 132). Когда Коммод примирился с бурами, союзниками изигов, то он получил много заложников «как из числа самих буров, так и пятнадцать тысяч из числа **других** и принудил **других** поклясться, что они никогда не будут обитать или пасти свои стада близ границ Дакии... Когда двенадцать тысяч соседних даков были изгнаны из своей страны и были готовы помочь **другим**, он склонил их на свою сторону...»

Некоторые исследователи и издатели текста Дион Кассия полагают, что под указанными **другими** племенами следует подразумевать алан, исходя из содержаний контекста и фонетической близости этого имени к греческому **аллос** «другой». По мнению А. Алеманя, более логичным представляется видеть в **других** изигов и вандилов, поскольку в начале разбираемого текста Дион Кассий упоминает в одном ряду изигов, буров и вандилов.

Обращает, однако, на себя внимание, что в первом случае в греческом оригинале значится слово **аллон**, в котором видят искаженное имя **алан**. Но если это так, то с неизбежностью возникает закономерный вопрос – не является ли слово **аллон** в данном тексте хорошо известным в осетинском фольклоре сказочным термином **аллон** (в сочетании аллон-бillion), являющимся, как полагают, фольклорным именем алан? Если данное предположение соответствует действительности, то оно устраниет ложную альтернативу – аланы или изиги, во-первых, и свидетельствует, что именем аллон Дион Кассий называет изигов-алан, во-вторых.

Принимая во внимание, что римский историк, как отмечалось выше, называет северокавказских алан, участников похода 135 г. против Парфии, именно изигами (во время переговоров в Риме), обозначение придунайских изигов именем аллон или аланов является еще одним подтверждением равнозначности для Дион Кассия понятий алан и изиг. Об

этом же свидетельствует и то, что при описании т.н. Маркоманских войн (166-172, 177-180 гг.), равно как и предшествующих войн, которые вел Рим с придунайскими племенами, римский историк ни разу не называет их участников аланами, упоминая только изигов там, где другие источники называют алан. В любом случае, сведения Диона Кассия об изигах-ясах, как показывает вышеприведенный материал, заслуживали куда больше внимания, чем им было уделено. Это не в последнюю очередь касается термина аллон, раскрытие значения которого в тексте Диона Кассия должно стать одной из первоочередных задач источниковедов истории алан.

Косвенным подтверждением правомерности обозначения Дионом Кассием какой-то части алан-изигов именем **аллон** может служить название Алонта, как называет реку Терек Клавдий Птолемей по имени народа, населявшего его берега.

Достаточно полно представлены в сборнике сведения латинского историка IV в. Аммиана Марцеллина об аланах, которые автор совершенно справедливо рассматривает «в качестве наиболее полного источника всей классической древности» (С. 67). К сожалению, в сборник не вошли сведения Аммиана о сарматских племенах Паннонии (на территории современной Венгрии), имеющие очень важное значение для изучения этнических связей сарматских племен и их социальной структуры. Именно из этого описания Аммиана Марцеллина мы узнаем о существовании у сарматов социального термина **ардараганты**, обозначавшего господствующее племя паннонских сарматов. Это же название встречается у Евсевия Кесарийского, современника Аммиана Марцеллина. Термин **ардараганты** сопоставляется с осетинским армдарæг «рукодержец», откуда происходит и современное **æлдар** (дигор. ардар «князь»), и как нельзя лучше подходит для обозначения правящего племени или клана. Отметим также, что именно у паннонских сарматов Аммианом Марцеллином зафиксирован воинственный клич «марха», который давно был отождествлен с осетинским **марга** «убивай»!

Особый интерес для исследователей представляет и то место из описания Аммиана Марцеллина, где рассказывается о восточных аланах, обращенных к азиатским областям. Он пишет, что они «простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов...» (31, 2, 16). Этот отрывок в переводе Ю. Кулаковского трактуется как «владения алан, простирающиеся до р. Ганга, пересекающей земли индов...» В рассматриваемой работе этот отрывок изложен несколько иначе, причем А. Алемань не упоминает о переводе Ю. Кулаковского и, естественно, не комментирует данный отрывок.

Между тем он явно этого заслуживает.

Дело в том, что около 120 г. до н.э. сако-массагетские племена Средней Азии (асианы), тохары и сакараваки разгромили Греко-Бактрийское царство, возникшее на руинах империи Александра Македонского. Эти же племена на рубеже новой эры основали т.н. Кушансое царство, включавшее в свой состав большую часть территории Средней Азии, современного Афганистана и Северной Индии. Это царство было известно также под названием Индо-Скифского. В армянских источниках оно известно как одно из царств, правящей династии которых были Аршакиды, основатель которой Аршак был выходцем из скифо-аланской среды. Аршакиды правили в Парфии, а также в Армении, Грузии и Алании.

Родоначальника грузинской ветви Аршакидов грузинские источники называют аланом по происхождению, а саму династию аланской. В свете этих данных становятся понятными и сообщения Аммиана Марцеллина о владениях алан, простирающихся до р. Ганга.

Разбираемое сообщение Аммиана Марцеллина поднимает целый ряд серьезных историко-филологических проблем и заслуживает, естественно, более пристального внимания алановедов и особенно источниково-ведов истории алан.

Одним из известных географов, писавших в конце классической древности (IV-V вв.) о расселении европейских алан, был грек Маркиан. У него содержится информация о том, что «река Рудон, впадающая в Балтийское море, течет с горы Алан; по соседству с этой горой и областью живет широко расселившийся народ аланов-сарматов...» В своих комментариях к этому месту А. Алемань пишет, что «река Рудон, которая впадала в Балтийское море к востоку от Вистулы (совр. Висла. – Ю.Г.), неизвестна» (С. 145).

Но это далеко не так. Рекою Рудон Маркиан называет современную реку Неман. Эту же реку под названием Рубон, представляющим собой явное искажение написания р. Рудон, знал и Птолемей. Но что особенно показательно, так это известность этой реки под несколько измененным названием Эридан уже в VI-V вв. до н.э.

Реку Эридан знает уже известный древнегреческий поэт Гесиод. В своей знаменитой «Теогонии» (Происхождение богов) Гесиод не дает локализацию Эридана, называя его лишь «глубокопучинным». Знает эту реку и Геродот, хотя и не веривший в реальность ее существования: «Я-то ведь не верю в существование реки, называемой у варваров Эриданом (подчеркнуто мной. – Ю.Г.), которая впадает в Северное (Балтийское) море, откуда по рассказам привозят янтарь» (111, 115).

Следовательно, независимо от сомнений Геродота, его указание на впадение Эридана в Балтийское (Северное) море, с побережья которого янтарь вывозили уже в древности, не оставляет никаких сомнений в идентичности Эридана и Рудона с Неманом. Добавим к этому, что название Эридан и Рудон в древности носили такие европейские реки, как Рона, Рейн и По.

Данное обстоятельство вызывает целый ряд сложных историко-филологических проблем, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи. Отметим лишь, что существование в Западной Европе гидронимов с окончанием дан (дон) «река» до появления здесь алан в результате «великого переселения народов» в конце IV – начале V вв. свидетельствует о пребывании здесь древнеосетинских (скифских или сарматских) племен уже во второй половине тысячелетия до н.э.

После греческих и латинских источников, охватывающих суммарно период с IV по XIV вв., автор рассматривает сведения византийских (VI-XV вв.) и арабских авторов средневековья. Не останавливаясь на всех этих данных, отметим лишь то, что из числа арабских авторов наиболее важную информацию содержат, пожалуй, авторы X в., в первую очередь Ибн-Рустэ и Масуди.

Масуди, в частности, сообщает, что абхазы, живущие по соседству с аланами и исповедующие христианскую религию, в переводе А. Алемания, «недостаточно сильны, чтобы бороться с аланами» (С. 351). Приблизительно так же переводит отмеченный отрывок на русский язык и Н. Карапулов, не упоминаемый А. Алеманом. Между тем В. Минорский, известный востоковед, комментирующий данный отрывок, переводит его иначе: «Абхазы... сейчас имеют своего царя, но аланский царь главенствует над ними». При этом В. Минорский специально выделяет арабское **музтазхир** «главенствовать» (-ует), подчеркивая тем самым ошибочность перевода Н. А. Карапурова, с которым совпадает и вышеупомянутый перевод А. Алемания. А. Алеманию хорошо известен перевод разбираемого отрывка В. Минорским, что он и отмечает соответствующей сноской на работу последнего. К сожалению, он не останавливается на расхождении между переводом В. Минорского и использованным им самим отрывком. А сделать это было необходимо, поскольку разбираемое сообщение Масуди имеет принципиальное значение, т.к. касается политических взаимоотношений кавказских государств X в. и роли Алании в этих процессах. Сделать это надо было и по той причине, что сообщение арабского историка, скончавшегося в середине X в., об определенной зависимости Абхазии от Алании в IX-X вв. подтверждается данными армянских и грузинских источников.

Об этом нам уже приходилось писать – в комментариях к сборнику «Алано-Георгиа. Сведения грузинских источников об осетинах» (журнал «Дарьял», 1993, № 1, С. 195), который публиковался в семи номерах указанного журнала за 1992-1995 гг., и в комментариях к сборнику сведений древних и средневековых источников об аланах-ясах «Аланика», публиковавшемуся в восьми номерах того же журнала в 1999-2000 гг. («Дарьял» № 3, Владикавказ, 2000 г., С. 227-228). К сожалению, обе указанные публикации оказались вне поля зрения А. Алемания, хотя у него имеется ссылка на первый номер «Дарьяла» за 1995 г. (С. 362), где, в частности, публиковался один из разделов «Алано-Георгики».

Одним из наиболее информативных источников по истории средневековой Осетии-Алании являются исторические сочинения армянских и грузинских авторов, особенно последних, начиная с эпохи раннего и вплоть до позднего средневековья. К сожалению, именно эти разделы и в первую очередь грузинские источники оказались наиболее слабыми как в источниковедческом, так и содержательном отношении. При этом в перечне используемой литературы практически отсутствуют, в частности, русские переводы грузинских источников последних десятилетий, а также комментарии и литература, посвященная грузино-осетинским взаимоотношениям с древнейших времен до позднего средневековья. Далеко не полным оказался и перечень грузинских исторических сочинений средневековья.

Не останавливаясь на всех этих вопросах, отметим лишь основные недостатки и упущения этого раздела.

В первую очередь – это отсутствие в перечне источников, составляющих свод «Картлис цховреба», ряда летописей, содержащих важные сведения по истории осетинского народа. Это, к примеру, «Обращение Картли в христианство» (Мокцевай Картлисай), «Памятник эриставов» (Дзегли эриставта), т.н. «Список царицы Марии», единственный из списков «Картлис цховреба», который не подвергался редакции «ученых мужей» в начале XVIII в., и ряд других. Кроме того, даже содержащийся в использованных источниках материал не использован в надлежащем объеме, что зачастую приводит А. Алемания к фактическим ошибкам и явно неадекватным выводам.

Так, например, хорошо известная под названием «Хронографа» (груз. «Жамтаагмцерели») летопись XIV в. называется им «Историей монгольских вторжений». При этом утверждается, что это название указанной летописи дано «современными исследователями». Между тем, достаточно было заглянуть во 2-й том «Картлис цховреба» (Тб., 1959 г.), в котором содержится эта летопись, чтобы легко убедиться в ошибочности этих утверждений.

Существует и критическое издание этого труда на грузинском языке под названием «Столетней летописи», осуществленное известным грузинским медиевистом Р. Кикнадзе в 1987 г., посвятившим его интерпретации ряд отдельных статей. Имеется и русский перевод отдельных сведений «Столетней летописи» об осетинах и других народах Кавказа, который принадлежит Г. В. Цулая. Сведения летописи, касающиеся исключительно осетин, были переведены автором этих строк и вошли в сборник «Алано-Георгика», о котором говорилось выше. К большому сожалению, все это прошло мимо нашего автора, что и послужило одной из основных причин грубейших ошибок в приводимых им цитатах и выводах.

Одним из важнейших сведений «Хронографа», или «Столетней летописи», об осетинах является сообщение летописи о переселении большой группы осетинских феодалов вместе со своими военными дружинами в Карталинию в начале 60-х годов XIII в. Это переселение, которое возглавлялось царицей вместе с двумя малолетними сыновьями Пареджаном и Багатаром, из правящей династии Ахсартаггата (груз. Ахсартагиани), явилось следствием ожесточенных войн между Золотой Ордой, владевшей Северным Кавказом, и Синей Ордой, или ильханами, в состав которой входил и Южный Кавказ. В этих войнах Осетия выступала на стороне ильханов, рассчитывая с их помощью освободиться от Золотой Орды. И когда в начале 1262 г. ильхан Хулагу потерпел решающее поражение на Тереке от войск золотоордынцев во главе с ханом Берке, он был вынужден через Дербентскую дорогу вернуться в свои владения. Вместе с ним ушли на юг и военные дружины осетин.

Переселенцы были более чем благожелательно встречены как царским двором в Картли, войска которой также принимали участие в войнах ильханов, так и самим ильханом, в состав государства которого входила и Грузия. По распоряжению ильхана Хулагу, осетинские военные дружины были официально включены в состав регулярных войск ильханов со всеми вытекающими отсюда последствиями, а их предводители были наделены землями в Картли с правом взимания поземельного и подушного налогов с местного населения.

В Картли была поселена основная часть пришельцев, две другие были поселены – одна в Жинвали в Арагвском ущелье, а другая – в Дманиси, на южной границе Картлийского царства. Таким образом, военные дружины перебравшейся на юг осетинской феодальной знати были размещены в наиболее важных стратегических пунктах Восточной Грузии с целью охраны ее границ с севера, юга и северо-запада. При этом картлийским осетинам была передана и Горийская крепость для отражения возможных нападений со стороны Западной Грузии, где также находились

монголы. Сделано это было по совету и настоянию картлийского эристава Сурамели.

Как явствует из приведенных фактов, переселение осетинской феодальной знати со своими военными дружинами в Восточную Грузию в 60-х годах XIII в. было своего рода военно-политической эмиграцией. Это переселение явилось одним из важнейших событий в истории осетинского народа в XIII в., вызванных вторжением татаро-монголов и установлением их господства на Северном Кавказе. Однако оно никоим образом не было непосредственно связано с предполагаемым «переселением» в Южную Осетию и тем более – с началом формирования южной ветви осетин, как ошибочно полагали некоторые исследователи. Начало этого процесса относится как минимум к периоду скифских вторжений на юг в VII-VI вв. до н.э. и четко фиксируется данными письменных источников, в т.ч. и древнегрузинских. Отсутствие сведений «Столетней летописи» об этом переселении в рецензируемом труде не может не вызвать удивления. Если А. Алемань действительно читал это сочинение, не важно – в оригинале или в переводе, то он, естественно, не мог пройти мимо столь важного для истории осетин события. А если это так, то, очевидно, следовало хотя бы упомянуть об этом событии, коль скоро он не счел возможным привести сообщения летописи об этом полностью. Исходя из этого, отсутствие какого-либо упоминания о переселении 60-х годов XIII в. в разбираемом труде ставит под большое сомнение непосредственное знакомство А. Алеманя с содержанием «Столетней летописи», хотя ссылки на нее в работе и имеются.

Сомнения эти еще больше усиливают приводимые А. Алеманем сведения об участии поселившихся в Картли осетин во внутриполитической борьбе в Восточной Грузии в конце XIII – начале XIV в. Эти сведения даются со ссылкой на указанный источник, однако в нем они не содержатся. Так, например, А. Алемань пишет, что мтавар (князь) Бакатар, захвативший у Гамрекели Дзамскую крепость около рубежа XIII-XIV вв. и действительно осажденный в ней правителем Самцхе Бека Джакели, якобы «после длительной борьбы сдался и был казнен» (С. 420).

Это утверждение А. Алемань вроде бы подкрепляет ссылками на «Картлис ҷховреба» под редакцией С. Г. Каухчишвили и французский перевод Мари Броссэ. Однако ни в одном из этих изданий о сдаче Багатара и его казни ничего не говорится. В источнике лишь сказано, что после первого же столкновения с дружинами самцхетского правителя Багатар «непосрамленным» укрылся в Дзамской крепости, в которой и скончался через некоторое время. Остается только гадать, откуда А. Алемань мог почерпнуть «сведения» о сдаче и казни Багатара.

Столь же необоснованным является и содержащееся в «Хронологической таблице» работы положение о походах «в Грузию под предводительством аланского царевича Параджана» (С. 573) в 1290-1300 гг. Никаких данных о самостоятельных походах Параджана «в Грузию» «Столетняя летопись» не содержит, а других источников, упоминающих Параджана, вообще не существует. Единственное военное мероприятие, участником которого летопись называет Параджана, – это поход войск хулагидов против г. Тонгузала, в котором принимали участие и картлийские войска, в составе которых находилась и возглавляемая Параджаном какая-то часть картлийских осетин. В целом же Параджан как царевич и наследник осетинского престола всегда находился в лояльных отношениях с центральной властью, доверием которой он, безусловно, пользовался. Одно время, когда Параджан был владельцем Атенского ущелья, ему даже была доверена охрана царской казны, которую Параджан укрыл в Атенской крепости.

Что касается военных действий Багатара, младшего брата Параджана, в Картли в конце XIII – начале XIV в., то их также нельзя квалифицировать в качестве походов в Грузию, как об этом говорится в той же Таблице. Дело в том, что Багатар, как картлийский феодал, принимал самое деятельное участие во внутрифеодальной борьбе в Картли на рубеже XIII-XIV вв. Однако при этом «Столетняя летопись» ни словом не упоминает о каких-либо столкновениях с центральной властью. Военные действия в Восточной Грузии, которые вел Багатар, одним из союзников которого был ксанский эристав, были направлены против крупных картлийских феодалов Сурамели и Гамрекели. Именно в отнятой у последнего крепости Дзама (в нын. Хашурском районе) он и скончался. Это обстоятельство, несомненно, вызывает определенную настороженность в отношении адекватности и других переводов А. Алеманя, причем не только грузинских. Необходимо отметить также ошибочность отнесения Сослана-Давида (а не Давида-Сослана) к Багратидам. Приводимое А. Алеманем генеалогическое древо Сослана-Давида, восходящее к Вахушти Багратиони (XVIII в.), является элементарной фальшивкой, что уже неоднократно было отмечено в литературе (Ю. С. Гаглоити, Г. Д. Тогошвили). В то же время о принадлежности Сослана Давида к Царазонам, даже как возможной версии, не говорится ни слова. Остается лишь сожалением констатировать, что и в данном вопросе, как и в ряде других, автор обнаруживает полное незнание существующей на русском языке литературы.

В то же время из сведений «Столетней летописи» А. Алемань не приводит и важное сообщение летописи о захвате осетинами г. Гори и

существующей вокруг этого вопроса литературы, с которой он, очевидно, не знаком. В целом ни объем, ни содержание главы девятой «Грузинские источники» рецензируемого труда не дают адекватного представления о характере и объеме грузинских источников об осетинах. Достаточно сказать, что журнальный вариант этих сведений, публиковавшийся в семи номерах журнала «Дарьял» за 1992-1995 гг. с комментариями автора этих строк, составил более 10 печатных листов или почти треть труда А. Алеманя.

Не намного лучше обстоит дело и с армянскими источниками. В этом разделе обращает на себя внимание отсутствие какого-либо упоминания о двухтомном переводе свода армянских источников на французском языке, осуществленном В. Ланглау в 60-х годах XIX в. Это издание явилось первым переводом древнеармянских источников на западноевропейские языки и по своей полноте превосходит все последующие. Сравнение переводов В. Ланглау с используемыми А. Алеманем переводами, думается, во многом помогло бы правильной интерпретации армянских источников. Это, в частности, касается данных «Армянской географии» VII в.

«Армянская география» VII в. представляет собой своеобразное продолжение географии Клавдия Птолемея (II в. до н.э.) и является одним из важнейших источников по истории и демографии народов Кавказа в раннем средневековье. Она отразила те изменения, которые произошли на этнической карте Кавказа в результате гуннского нашествия 70-х годов IV в.

«Армянская география» содержит, в частности, уникальное описание расселения аланских племен Центрального Кавказа. К сожалению, именно в этом разделе А. Алемань допускает грубейшую ошибку (если только это не ошибка переводчика), ведя описание аланских племен «с востока на запад» (С. 369), а не наоборот, как этот отрывок фигурирует во всех существующих переводах: «Народы в Азиатской Сарматии распределены следующим образом с запада на восток. Во-первых, народ аланов аштигор (ос-дигоры, осетины-дигорцы. – Ю.Г.)...» Это в точности соответствует расселению дигорцев на западе и расселению вайнахов и народов Дагестана к востоку от территории алан (осетин).

Не приводит А. Алемань и весьма показательные сведения армянских историков XII-XIII вв. Мхитара Гоша, Вардана Великого, Степаноса Орбеляна и Киракоса Гандзакеци о бракосочетании царицы Тамары и «осетина Сослан». Эти данные наглядно показывают отсутствие какой-либо родственной связи между Сосланом Царазоном и грузинскими Багратидами, которую не преминули бы упомянуть названные авторы, пре-

красно осведомленные об истории армянских и грузинских Багратидов. Нет в этом разделе и сведений о существовании четырех основных ветвей династии Аршакидов, аланско-массагетской по своему происхождению, одна из которых правила в Алании.

Одним из актуальнейших вопросов армянских источников, касающихся алан, является проблема обозначения в них племенного названия «аланы». Дело в том, что название северокавказских алан и кавказских албанов, живших на территории современного Азербайджана, обозначается одним и тем же словом **агъуан-к** (**к** – армянский показатель множественности). Данное обстоятельство, как уже неоднократно отмечалось в литературе, связано с тем, что армянский звук **г** (идентичный осетинскому **гъ**), обозначаемый в латинской транскрипции сочетанием **gh**, передается на другие языки буквой **л**. Точно также звук **л** из других языков передается по-армянски той же буквой **г** (**гъ**).

Эта особенность армянского языка объясняется историческим развитием фонемной системы армянского, которая определяется и наличием в армянском языке двух видов звука **л**, обозначаемых буквами **гъ** и **л**, и их последующим развитием в один звук **гъ**. Именно поэтому новоармянское **агъуанк** (**агваны**) идентично древним **алуанк** (**алуаны – алваны**), т.е. историческим аланам.

Наглядным подтверждением этого факта может служить хотя бы обозначение северокавказских алан в «Армянской географии» VII в. термином **агъуанк** (азг агъуанац), четко прослеживаемое как по французскому изданию А. Сукри, так и русскому К. Патканова. Основываясь именно на этих бесспорных фактах, еще в начале XIX в. было высказано мнение, что армянские этнические названия **алуанк** «аланы» и **агъуанк** «агваны» являются двумя разновременными наименованиями одного и того же народа. Этому вопросу посвящена довольно обширная литература (Ю. Клапрот, Н. Я. Марр, Р. Блайхштейнер, К. Патканов, Н. Трубецкой, А. Намиток, Ю. С. Гаглоити), полностью обойденная А. Алеманем.

Обозначение алан термином **агъуанк** находит свое объяснение не только в фонетических особенностях армянского языка, но и конкретными историческими фактами. По сообщению автора «Истории агъван» Моисея Каланкатуйского, армянский царь Вагаршак (Валаршак) «призвал к себе племена северных равнин и предгорий Кавказа **вплоть до начала равнины**» (подч. мной – Ю.Г.). Эти переселенцы были поселены в стране, «которую назвали Агъуанк, а правителем им назначили некоего Арана». В свете указанного факта становится понятным, почему средневековые армянские авторы называли одним и тем же этонимом **алуанк-агъуанк** как северокавказских алан, так и кавказских

албанов античных писателей и прикаспийских маскутов (массагетов), соплеменников алан.

Обозначение северокавказских алан и кавказских албан в армянских источниках одним и тем же этнонимом ставит перед исследователями целый ряд интересных историко-филологических проблем, подробное рассмотрение которых не входит в задачи настоящей рецензии. Отметим лишь, что подобное смешение этнонимов алан и албан наблюдается также в античных и византийских источниках. Корнелий Тацит (нач. 2 в. н.э.), к примеру, в двух местах определенно называет алан албанами.

Что касается византийских источников, то одним из наиболее ярких и показательных примеров такого «смешения» могут служить сведения византийского автора XII в. Никифора Василаки, приводимые А. Алеманем. В своем панегирике Адриану Комнину, одному из видных представителей византийской императорской фамилии, матерью которого была аланская царевна Ирина, Никифор Василаки пишет о ней: «Что может заслуживать большего восхищения, величие ее народа или знатность ее происхождения? Ее народ – аланы; мать Адриана их царица, как подобает аланам древнего богатства. Там, у подножья высокого Кавказа, пасутся стада многих племен этого великого народа, который я бы назвал паствой Христовой, цветом скифов и первым плодом Кавказа. Они самый воинственный народ среди кавказцев; если ты посмотришь на их множество, то найдешь отвагу, которой нет нигде более; если ты заметишь их доблесть в бою, то ни во что поставишь мириады врагов...»

Этот пассаж, изобилующий столь лестными характеристиками военных качеств «великого народа», как называет кавказских алан византийский автор, показателен еще и тем, что рукописи панегирика дают чтение **албаны**, а не **аланы**, хотя совершенно очевидно, что речь здесь идет именно об аланах, а не кавказских албанах. Именно поэтому исправление издателем панегирика имени албан на алан вполне обоснованно. Вместе с тем указанный факт ясно свидетельствует не просто о случайном смешении этнонимов алан и албан, как полагают некоторые исследователи, в т.ч. и А. Алемань, а об их органической связи друг с другом. Это обстоятельство, прослеживаемое по данным греко-латинских и византийских источников, получило, как отмечалось выше, наиболее завершенное оформление в армянских источниках, в которых этнонимы **аланы** и **албаны** обозначаются одним и тем же именем агъуанк. Игнорирование этого очевидного факта ведет, как правило, к неверному переводу соответствующих армянских источников и их ошибочной интерпретации.

Таковы наши замечания по поводу труда каталонского ученого. Эти замечания ни в коей мере не умаляют ни научного значения рецензируе-

мого труда, ни огромной работы, проведенной его автором; они лишь акцентируют внимание на ряде спорных и проблемных вопросов многовековой истории осетин.

Поэтому основной вывод, который следует из этих замечаний, заключается, на наш взгляд, в том, что практически невозможно издать в одном сборнике все относящиеся к аланам сведения древних и средневековых авторов вместе с оригиналами текстами и соответствующими комментариями. Намного целесообразнее, видимо, издавать подобные сборники отдельно по соответствующим разделам: греко-латинским и византийским, армянским, грузинским, арабо-персидским, древнерусским и т.д.

Вместе с тем в своем труде А. Алемань, думается, выявил и другую насущную задачу. Это, в первую очередь, необходимость публикации источников и по истории скифов и сарматских племен в целом, поскольку этногенез и этническая история осетин не в меньшей мере, чем с аланами, связаны со скифами Кавказа и Северного Причерноморья. В идеале это должен быть состоящий из отдельных томов «Корпус сведений о скифах, сарматах и аланах», на что, естественно, потребуется определенное время.

Рецензируемая публикация А. Алемания наглядно продемонстрировала, как нам представляется, и необходимость более тщательной и продуманной координации работ осетинских историков по скифо-аланской проблематике и большего внимания к ним со стороны власти предержащих. Интеграция между Севером и Югом, о которой столько говорится в последние годы, принесла бы в этом вопросе весьма положительные результаты.

Ю. С. ГАГЛОЙТИ